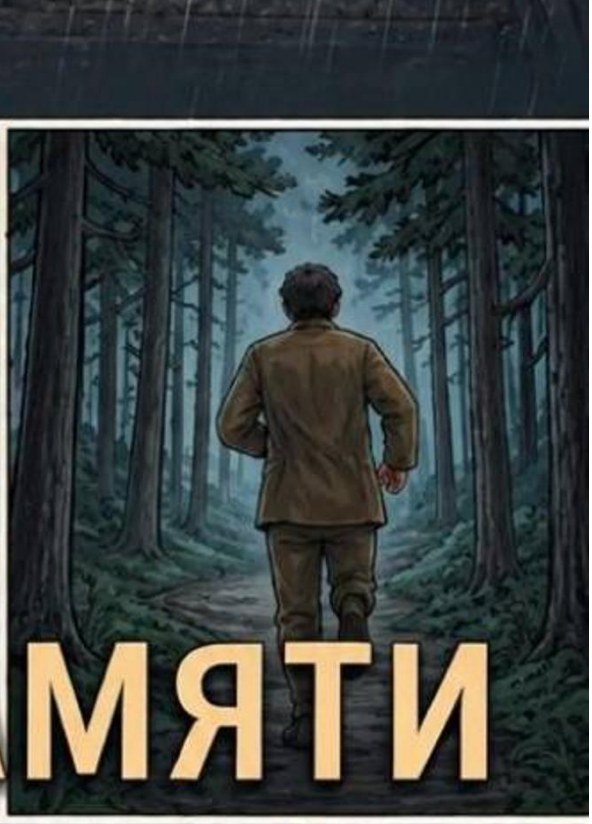
АРИЯ МЕЛИК

ФАКЕЛ ПАМЯТИ

Ария Мелик

Факел памяти

«Автор»
2026

Мелик А.

Факел памяти / А. Мелик — «Автор», 2026

Тайна, погребённая в архивах КГБ, и правда, ожившая спустя восемь десятилетий.1927 год. Станция Сальян. Под проливным дождём уходит поезд, унося репрессированного сына. На перроне остаются мать с разбитым сердцем и маленькая дочь, сжимающая в руках упавший платок. Так начинается отсчёт семейной драмы, след которой затеряется на долгие годы.Спустя десятилетия племянник сгинувшего родственника — известный журналист — шаг за шагом пробивается сквозь засекреченные архивные дела, чтобы распутать узел старой трагедии. А позже в Баку хранительница семейных тайн подхватывает этот факел памяти, чтобы дойти до конца и раскрыть оглушительную правду о судьбе предка.«Факел памяти» Арии Мелик — пронзительная и захватывающая семейная сага, основанная на реальном историческом контексте XX и XXI веков. Это история о роковой любви, предательстве, непреклонном мужестве и памяти, перед которой бессильны время и расстояния.

© Мелик А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ария Мелик
Факел памяти

Глава

Ария Мелик.

"Факел памяти"

«Матери - Это не просто воплощение нежности и любви, они-сама жизнь во всём её многообразии, принимающая и преодолевающая любые трудности.»

«Подлинный исток счастья- в том, чтобы честно трудиться на Земле и достойно проживать каждый отведённый тебе день»

- Из книги Яхьи Алиева ***«Жизнь оставленная в наследство»***

Глава первая

— Ашраф! Сынок родной мой, увижу ли я когда-нибудь тебя, жизнь моя?!..

Безумный крик Медины-ханум потонул в грохоте уходящего поезда. Она бежала вслед за последним вагоном, сколько было сил, потеряв с головы платок, простоволосая, с развевающимися на ветру растрёпанными, тронутыми сединой волосами. Она бежала, пока ноги не подкосились, и упала прямо на холодные камни перрона. Как молитву она повторяла:

— Только живи, ты только живи, даже если я тебя больше не увижу…

Поезд тем временем постепенно исчезал из виду в ноябрьском тумане, унося в неизвестность её единственного и горячо любимого сына Ашрафа. Слёзы потоком лились из глаз, горло распухло от криков и рыданий, в груди словно паровой молот оглушительно билось сердце, но она не замечала и не чувствовала ничего из этого. На перроне было довольно холодно, уже стал накрапывать дождь, но несчастная мать оставалась слепа и глуха ко всему вокруг. Весь её мир сфокусировался на маленькой и постепенно исчезающей вдали точке.

Вдруг кто-то тихо тронул её за руку:

— Мама… Вставай, пожалуйста, ты простудишься…

Вздрогнув и словно очнувшись от глубокого сна, Медина бросила взгляд вниз. Рядом с ней, прямо на мокром перроне, сидела её младшая дочь Сона. Девочка крепко обнимала мать за талию и сжимала в кулаке упавший с головы матери платок.

«Боже мой, — с болью подумала Медина, — я совсем про неё забыла».

Она прижала к себе дочь и зарыдала с новой силой:

— Маленькая моя, увезли твоего брата, не успела я обнять его… Ничего не успела! Что теперь с ним будет?.. Куда его увезут?

Сона только сильнее прижималась к матери, не ведая, какими словами утешить эту огромную, разрывающую душу боль.

А ведь ещё пару часов назад этот день тянулся так же, как и предыдущие дни этих двух месяцев. Дом погрузился в липкий, изнуряющий сон, неизвестность тяжким грузом давила на плечи, каждый стук в калитку заставлял сердце замирать, а каждодневная домашняя работа делалась монотонно, лишь бы хоть как-то занять руки.

В то утро Медина-ханум стояла во дворе у бассейна, механически полоская бельё. Холодная вода обжигала пальцы, но мысли были далеко — там, в сырых простенках, где удерживали её сына.

И вдруг тишину этого тяжёлого утра разорвал громкий, запыхавшийся крик. В ворота буквально ворвалась соседка Зухра.

— Медина, Медина! — закричала она с порога. — Беги скорее на станцию! Там мои ребята видели Ашрафа!

— Что ты сказала? — обомлела Медина-ханум, и бельё выпало из её онемевших рук.

«Кто видел? Когда? Это точно?!» — рой вопросов завертелся в голове, мысли спутались, кровь отхлынула от лица. Инстинктивно схватившись за сердце, она тяжело присела на каменный выступ стены, чтобы не упасть.

— Видели! Мои мальчики видели! — задыхаясь, продолжала Зухра. — Они же на путях работают! Он живой! Худой, небритый, с бородой, в арестантской одежде, но живой! Его и других заключённых привезли на станцию и этапируют в последний вагон поезда, — тараторила соседка. — Беги быстрей на станцию, ты можешь успеть его увидеть!

Как была в домашней одежде, Медина бросилась к воротам, на ходу повязывая на голове платок. Выбежав на улицу, она кинулась в сторону железнодорожной станции, находящейся в нескольких кварталах от их дома. За ней увязалась младшая дочь Сона:

— Мама, я с тобой! Я всё слышала! Я хочу увидеть брата! — глотая слёзы, на ходу кричала Сона, едва поспевая за стремительным шагом матери.

— Марш домой, иначе я тебя поколочу! — закричала мать на бегу. — Из-за тебя я могу не успеть!

Но голос её сорвался, потонув в шуме собственного дыхания. Но Сона не отставала. Её ботинки дробно стучали по пыльной мостовой, а в глазах, полных слёз, застыла смесь страха и детской упрямой решимости.

Матери было не до неё. Всем своим существом, каждой клеткой тела она рвалась туда, к рельсам, повторяя:

— О Аллах, лишь бы успеть, лишь бы не опоздать!..

Когда они обогнули последний квартал и выскочили к перрону, воздух оглушил их металлическим лязгом, свистом пара, криками людей. Поезд — длинный состав из серых товарных вагонов — уже медленно, со скрежетом трогался с места. Тяжёлые колёса неохотно проворачивали свои железяки. Медина-ханум бросилась в гущу толпы, ослеплённая отчаянием и подталкиваемая вперёд лишь материнским инстинктом.

— Последний вагон… Боже, где последний вагон?! — как мантру повторяла она, проталкиваясь сквозь толпу.

Наконец она увидела конвоиров с винтовками наперевес, которые оттесняли плачущих и кричащих людей назад, не подпуская к путям. В открытом дверном проёме вагона сгрудились тени — истощённые, небритые мужчины в арестантской одежде. Военные грубо, прикладами и толчками в спину, заталкивали внутрь последних заключённых, чтобы задвинуть тяжёлую деревянную дверь. Пробившись неимоверным усилием воли вперёд, Медина застыла, лихорадочно ища глазами среди арестантов его одного-единственного, не обращая внимания на крики и ругань конвоиров и других людей вокруг.

И в этот самый миг, когда дверь уже поползла по направляющим, она увидела его. Ашраф стоял у самого края проёма, подталкиваемый сзади чужими плечами. На секунду движение на перроне словно замедлилось, а шум поезда и крики людей растворились в звенящей тишине. Собрав все свои силы, она закричала, стараясь перекрикнуть окружающих:

— Ашраф! Ашраф!

И вдруг среди десятков чужих измождённых лиц их взгляды встретились — прямо, пронзительно, сквозь расстояние и страх. Он заметил её, заметил и подбежавшую запыхавшуюся Сону, чья тонкая рука вцепилась в руку матери.

На секунду на истощённом небритом лице Ашрафа мелькнула не боль, а удивительно светлая, прощальная улыбка. Его такие родные, добрые и такие же голубые, как и у Соны, глаза смотрели на мать и сестру с тоской и одновременно с любовью. Губы беззвучно прошептали:

— Мама…

Медина увидела это. На этом промозглом, продуваемом всеми ветрами перроне как будто остались только эти двое и никого вокруг них. Он успел приподнять закованные в наручники руки и едва заметно кивнул — коротко, напоследок, будто обещая выжить.

Глухой удар деревянной двери отрезал его образ. Вагон заперли. Поезд тронулся.

Стук колёс постепенно растворялся вдали. На опустевшем перроне осталась лишь оглушительная тишина, пропитанная сыростью. Медина-ханум так и сидела на холодных камнях, бессильно опустив руки.

— Мама, прошу тебя, — просила Сона, — вставай, пойдём домой. Вот и дождь уже начался, ты так простудишься и заболеешь. Что мы все будем тогда делать?

Она крепче обняла мать и, несмотря на юный возраст и хрупкое телосложение, попыталась поднять её с колен.

Видя её усилия, Медина-ханум как будто очнулась от глубокого сна. Сразу почувствовала холод, тело прошиб озноб, вернулась способность двигаться и мыслить. С трудом она поднялась на ноги. Обняв одной рукой дочь, а в другую зажав платок, но так и не надев его, она прижалась к Соне, и они побрели по перрону обратно в сторону дома.

Станция к этому моменту почти обезлюдела. Лишь редкие провожавшие, всё ещё стоявшие на путях, подходили к ним, выражая сочувствие и тихую скорбь.

— Медина, подожди так убиваться, — говорила Зиба-ханум. — Ещё не всё потеряно. Его задержали только для выяснения. Вот увидишь, вернётся он скоро домой живой и невредимый.

Зиба-ханум приходилась золовкой брату Медины и провожала свою сестру с племянником на том же поезде.

— Да, конечно, — вторили ей другие женщины, окружившие мать и дочь и шагавшие рядом. — Ашраф — парень крепкий, здоровый, с ним всё будет хорошо, дай Бог! Все его в городе знают, он парень честный, порядочный, сам военный!

— Какая-то ошибка у них там вышла, — подхватила вторая, а за ней и третья. — Ничего, там разберутся — и, глядишь, вернётся он ещё до Нового года!

«Нет, — думала про себя Медина-ханум, — не вернётся он до Нового года…»

Она шла, крепко зажав в кулаке платок, концы которого волочились по земле, словно тряпка. Слёзы тихим ручьём лились из глаз, губы подёргивались от сдерживаемых рыданий. Шок прошёл, оставив лишь тупое онемение во всём теле и голове, будто после тяжёлого наркоза. Она брела домой, но душа и мысли её оставались в том последнем вагоне, уносившем в неизвестность арестантов без суда и приговора — и среди них её единственного Ашрафа.

«Нет, — повторяла несчастная мать, — не увижу я больше моего мальчика».

Пророческими оказались её мысли.

Глава вторая

Шли годы, складываясь в десятилетия, пока от того дождливого ноябрьского дня не прошло целых 62 года. Шел 1989 год.За высоким окном просторного кабинета шуршал осенний дождь — точно такой же, какой капал на перроне вокзала в тот далёкий ноябрьский день. За большим дубовым столом, погрузившись в кресло, сидел солидный пятидесятишестилетний мужчина в строгом костюме — директор издательства «Язычы»1[1] Фаик Меликов. Перед ним лежали рукописи, гранки и документы, требующие подписи, но мысли его были далеко отсюда.

[1] «Язычи»-(азерб.Yaziçi-«Писатель»)-азербайджанское издательство художественной литературы,созданное в Баку в1978 году.

В голове снова и снова, до мельчайших деталей, прокручивалась одна и та же сцена — история, которую мать Сона пересказывала ему десятки раз, пока была жива. Он закрыл глаза и наяву увидел этот кадр: задыхающаяся маленькая девочка в ботинках, бегущая за матерью; клубы пара; отходящий поезд; и мокрые от дождя камни перрона, на которых лежит упавший с головы бабушки платок.

Фаик вздохнул, снял очки и потёр переносицу. Поезд, вагон с арестантами и прощальный взгляд дяди Ашрафа, которого сам он никогда не видел, но знал, казалось, лучше, чем кого-либо из живых. По профессии Фаик был журналистом и довольно давно и успешно возглавлял одно из передовых в столице Республики Азербайджан — Баку — издательство «Язычы».

Будучи прекрасным публицистом и издателем, человеком редкой душевной чуткости, он обладал удивительным даром тончайшей эмпатии и способностью мгновенно переносить читателя в самую гущу событий. Он пропускал чужую боль и историю через своё сердце, благодаря чему его повести и рассказы получались невероятно живыми и надрывными.

За окном кабинета опускались сумерки, и в комнате незаметно стало темнеть. Фаик поднялся из-за стола, накинул пальто и вышел из кабинета.

— Всего доброго, Фаик Махмудович, — произнесла его секретарша, которая сидела за своим столом и печатала на машинке.

— До свидания, Гюнай. Завтра как обычно, к девяти, — произнёс он и вышел из здания издательства.

Подойдя к служебной «Волге2[2]», он сказал вышедшему из машины шофёру:

— На сегодня всё, Ахмед. Ты езжай, а я хочу пройтись пешком, подышать воздухом.

— Как скажете, Фаик-муаллим3[3], — ответил Ахмед, молодой, услужливый парень, работавший с ним уже четыре года.

Город встретил его мерным шумом машин и дарящим свежесть сырым ноябрьским воздухом. Фаик вдохнул ноябрьскую прохладу. Вечерний Баку был особенно прекрасен. Сумерки мягко опускались на город, зажигая тысячи золотистых огней, а с моря веял лёгкий освежающий бриз. Он очень любил этот город, с ним было связано много дорогих его сердцу воспоминаний.

Осенний вечер вступал в свои права, преображая всё вокруг. Прямо рядом с его домом располагался утопающий в зелени парк имени Ленина. Он очень любил гулять здесь по выходным вместе с дочерью. Желая побыть в тишине, Фаик свернул на одну из аллей и присел на скамью. Он лишь хотел собраться с мыслями, но вечерняя суета и сияние городских огней постепенно растворялись вокруг.

Мысли, независимо от его воли, увлекли его вслед за воспоминаниями. В последнее время эта история преследовала его постоянно. Почему именно сейчас? Почему он, взрослый, состоявшийся 56-летний человек, постоянно возвращается мыслями к той далёкой трагедии на вокзале? К рассказу матери, которая помнила тот день до самой своей смерти? Ответ пришёл сам собой: приближалась очередная годовщина её смерти.Память — удивительная штука. Сона часто рассказывала ему, как судорожно сжимала в руках упавший платок, пока поезд увозил её брата в неизвестность. И теперь её сын спустя столько лет нёс эту память дальше, словно тот самый платок.

Время словно повернулось вспять, перенеся его на много лет назад, к истокам семьи Садыхбековых.

В Сальяне — небольшом, уютном и колоритном городке, раскинувшемся в самом сердце Кура-Араксинской низменности, что на юге Азербайджана, — имя Садыхбековых знали все.

---

[2] «Волга»-известная марка советских автомобилей премиального и среднего класса.В советские годы персональная служебная «Волга»с шофером являлась символом высокого статуса и номенклатурного положения.

[3] Муаллим(азерб.учитель,педагог)-традиционное и уважительное обращение к мужчине в Азербайджане,подчеркивающие его авторитет,образованность или статус.

Здесь не было привычных европейскому слуху титулов графов и князей. На Востоке знатность и благородство рода определялись званием бека. Отец Ашрафа, Гадырбек, был именно из таких — потомственный бек, чьё слово имело авторитет далеко за пределами района. Они владели обширными пастбищами и большим поголовьем скота. Их добротный двухэтажный каменный дом был виден издалека.

Его супруга Медина принесла в эту обитель утончённую статность и житейскую мудрость. Сама дочь богатого купца, она была девушкой грамотной и начитанной. В ту эпоху, когда Азербайджан входил в состав Российской империи, образование для женщин в провинции ограничивалось начальными классами или домашней грамотой, но Медина прекрасно умела читать, писать и вести счёт. И эту тягу к знаниям и уважение к просвещению она впоследствии передала и своим детям.

Хотя их союз с Гадырбеком был заключён по традиции — молодые не видели друг друга до свадьбы, — судьба оказалась к ним благосклонна. С первого же дня между ними возникли глубокое взаимное уважение и тепло, и их брак стал счастливой и крепкой обителью. Медина подарила мужу шестерых дочерей и одного сына. Ашраф был третьим ребёнком в семье. Дети росли в любви, заботе и достатке. В их доме всегда звучал смех.

Мать страстно желала дать детям гораздо лучшее образование, чем смогла получить сама. Благо состояние и положение Гадырбека позволяли воплотить эти мечты в жизнь. По её настоянию для младших была приглашена гувернантка, а для Ашрафа и старших девочек устроено полноценное домашнее обучение.

Когда же Ашраф подрос, отец, поддерживаемый Мединой, решил не ограничиваться домашними уроками. Для единственного сына желали лучшего будущего, поэтому его отправили продолжать учёбу в Баку — поступать в реальное училище, чтобы получить полноценное среднее образование и приобщиться к передовым наукам того времени.

Мечта о будущем единственного сына занимала все мысли Гадырбека. Он сам в глубине души всегда тянулся к военной службе и страстно хотел видеть Ашрафа офицером — статным, благородным защитником своего рода и Отечества. Именно поэтому выбор пал на бакинское реальное училище: его строгая дисциплина, упор на точные науки и физическую подготовку были лучшим трамплином для поступления в высшее военное училище.

Гадырбек и представить не мог, насколько роковой окажется эта мечта. Пройдут годы, и именно эта военная выправка, офицерская честность и служба привлекут к Ашрафу внимание страшного жернова ОГПУ-чекистской структуры ,ставшей предшественницей НКВД и КГБ, когда после раскулачивания отца за ним придут в двадцать седьмом году…

Но тогда, в годы юности, всё это скрывалось за плотной завесой будущего. Проживая в пансионе при училище, Ашраф жадно впитывал атмосферу бурлящего, европейского и богатого Баку. Ещё недавно тихий восточный порт ,замыкавшийся в кольце древних стен,он переживал бурный расцвет ,стремительно превращаясь в одну из нефтяных столиц мира.Это был город миллионеров и резких контрастов — место, где пышные европейские особняки из местного известника-аглая, возведённые нефтяными магнатами, соседствовали с древней восточной стариной. Здесь запах морского бриза и пряных восточных базаров смешивался с едва уловимым ароматом сырой нефти,а стук фаэтонов4[4] по мостовой -с пением мугама5[5] из открытых окон чайхан6[6].Эта контрастная среда стремительно расширяла кругозор юноши.

Возвращаясь из Баку в родной Сальян на каникулы, Ашраф никогда не приезжал с пустыми руками. Каждый его приезд превращался в настоящий праздник для всего дома.

[4] Фаэтон-легкая открытая конная коляска с откидным верхом.В Баку конца XIX-начала XX века фаэтоны выполняли роль городского извозчичьего транспорта(такси).

[5] Мугам-традиционный азербайджанский музыкально-поэтический жанр.

[6] Чайхана-традиционная восточная чайная ,место встреч и общения.

Матери он привозил лучшие отрезы ткани и изысканные шали, для сестёр в его чемоданах всегда находились тончайшие бакинские кружева, ленты и знаменитые городские сладости. Для отца выбирал подарки статусные, мужские — то изящный янтарный мундштук[7] с резной деревянной трубкой, то серебряные карманные часы на цепочке. И конечно же, он никогда не забывал про свою любимицу — маленькую Сону. Для неё брат с особой нежностью выбирал причудливые сувениры и расписных фарфоровых кукол.

А однажды в свой очередной приезд в отчий дом Ашраф привёз Соне сшитый на её размер мужской смокинг, шляпу и тросточку. Как-то раз на праздники он вместе с Соней отправился к родственникам, чтобы поздравить всех. Наклеив семилетней сестрёнке аккуратные усики и нарядив её в смокинг, Ашраф водил её из дома в дом. Никто из хозяев не мог узнать, что за очаровательный мальчик стоит перед ними. И тогда Ашраф с озорной улыбкой отвечал на их удивлённые расспросы:

— Как, вы не узнали? Это же наша Сона-ханум!

И в этот момент девочка снимала шляпу, её густые длинные волосы рассыпались по плечам, и в доме звучал общий восторженный смех.

Глава Третья

Резкий, внезапный сигнал автомобильного клаксона в вечернем воздухе сорвал пелену прошлых лет. Звук этого далёкого, эхом отдающегося в памяти смеха вдруг растаял в прохладном вечернем воздухе.

Фаик вздрогнул и моргнул, будто очнувшись от глубокого сна. Он всё так же сидел на старой парковой скамейке, сжимая в руках остывшие ладони. Вся эта картина — праздничный родной Сальян, юный Ашраф, маленькая Сонечка в детском смокинге — пронеслась перед его глазами с невероятной, почти осязаемой чёткостью. Он ведь просто пришёл сюда на полчаса, чтобы проветриться, привести мысли в порядок, а в итоге полностью погрузился в воспоминания. Он бросил взгляд на циферблат часов и охнул:

— Ой, уже восьмой час, — тихо прошептал он сам себе.

Стряхнув с себя остатки оцепенения и быстро поднявшись со скамьи, Фаик поправил пальто и торопливым шагом направился по аллее в сторону дома.

Повернув ключ в замке и шагнув в прихожую, он услышал, как из глубины квартиры донеслись лёгкие быстрые шаги. На порог выбежала голубоглазая девочка лет одиннадцати — его дочка, его Сонай. На ум невольно пришла мысль о том, что она сейчас приблизительно в том же возрасте, в каком была его мать, когда-то стоявшая на перроне и видевшая брата в последний раз… Тот же тонкий силуэт, тот же пытливый живой взгляд, те же голубые глаза.

— Папа! Ну наконец-то! — Она подскочила к нему и прижалась к щеке с чуть отросшей за день щетиной. — Ты почему так долго? Опять было совещание в министерстве?

— Нет, милая, в парке засиделся, захотелось подышать воздухом, — Фаик мягко улыбнулся, погладив её по волосам, и, снимая пальто, задумался: — Как ты тут одна? Белла-ханум давно ушла?

— Да, где-то в семь часов ушла. Хотела тебя дождаться, чтобы я одна не оставалась, но я ей сказала, что уже большая и смогу прекрасно остаться одна, — засмеявшись, ответила Сонай. — Но ты не волнуйся, — деловито добавила она, — уроки мы сделали. Ты лучше снимай пальто и иди мыть руки. Я картошку пожарила с котлетами, будем ужинать.

«Его маленькая, но ставшая такой самостоятельной Сонай, ещё вчера ходившая в детский сад, уже сегодня, надев фартук, старается гордо кулинарить на кухне, готовя им еду», — так думал Фаик, стоя над раковиной и подставив руки под приятную струю тёплой воды.

---

[7] Мундштук-трубка для курения папирос или сигарет;изысканные изделия из янтаря считались элементом роскоши и высокого статуса.

На душе стало невероятно тепло, но в то же время лёгким уколом отозвалась светлая грусть: как же быстро летит время…

Вытерев руки полотенцем, он прошёл на кухню. Там уже всё было накрыто: две тарелки с аппетитной золотистой картошкой, сочные котлетки и аккуратно нарезанные огурцы. Сонай сидела во главе стола и с самым серьёзным и важным видом ожидала оценки своего кулинарного шедевра.

— Ну, хозяйка, — улыбнулся Фаик, присаживаясь напротив, — рассказывай, как день прошёл, пока я твою картошку пробовать буду.

— Сначала ты попробуй! — Сонай с улыбкой прищурилась, внимательно следя за каждым его движением. — А то знаешь, как я старалась? Котлеты, между прочим, по маминому рецепту сделала.В ее старой кулинарной тетради отыскала.....

При упоминании матери в воздухе на мгновение повисла трепетная тишина. Фаик замер с вилкой в руках, взглянул на дочку, а затем — на портрет Валиды, висевший в проёме между кухней и гостиной.

Его Валида. Для него всегда только Валида. Для всех остальных — просто Рая, как её ласково называли близкие и друзья. С портрета на него, улыбаясь, смотрели те самые глаза, в которые он влюбился без памяти с первой же секунды их знакомства. Прошло уже почти шесть лет с тех пор, как её не стало, но боль так и не утихла, и он твёрдо знал, что не утихнет никогда — она лишь спряталась глубоко внутри, уступив место бесконечной тихой грусти.

— Папа, — послышался осторожный голос Сонай, — ты опять о ней думаешь?

Фаик слегка вздрогнул, переводя взгляд с портрета на дочь, и мягко, едва заметно улыбнулся:

— Я всё время о ней думаю, дочка, каждую минуту.

Сонай вздохнула — по-взрослому, с пониманием, в котором отзывалась их общая незаживающая рана. Ей тоже тяжело давалось это взросление без материнского тепла, но она изо всех сил старалась быть опорой для отца.

— Давай покушаем, папа, а то всё остынет, — тихо сказала она, подвигая к нему тарелку.

Фаик кивнул, и на какое-то время за столом воцарилась молчаливая тишина. Они ели не торопясь, каждый погружённый в свои мысли, но в этом молчании не было отчуждения — напротив, оно объединяло их крепче любых слов.

Отодвинув пустые тарелки, Сонай встала из-за стола и привычным движением поставила на плиту чайник. Спустя полчаса, убрав на кухне, они переместились в гостиную. Тихо бубнил включённый телевизор, заливая комнату мягким колеблющимся светом. Сонай устроилась на краю дивана с книжкой в руке, а Фаик откинулся на спинку кресла, уставившись на мерцающий экран.

Из-под опущенных век он наблюдал за дочерью. В груди у него разливалось тихое, щемящее тепло. С годами она всё больше становилась похожей на мать — те же жесты, та же грация, тот же поворот головы… И лишь глаза её были совсем иными, как у бабушки — с той лишь разницей, что у Соны-ханум они были голубые, а у Сонай — цвета морской волны. Именно этот необычный цвет почему-то навёл Фаика на воспоминания.

Он вдруг с улыбкой вспомнил один из своих визитов в Министерство печати. Сонай тогда забежала к нему в издательство после школы, и Фаик взял её с собой по делам. Пока он обсуждал рабочие вопросы в кабинете, дочка терпеливо ждала его в приёмной. Узнав, что девочка ждёт в секретарской, министр попросил позвать её внутрь и, впервые увидев Сонай, с улыбкой произнёс:

— Эх, Фаик, в глазах твоей дочери можно утонуть!..

Воспоминание вызвало у отца тёплую улыбку. Переводя взгляд с экрана на дочь, он мягко спросил:

— Сонь, а как сегодня дела с уроками? Всё успела сделать?

Сонай тихо вздохнула, аккуратно прикрыла лежащую перед ней толстую книгу и невольно положила на неё ладонь. Фаик перехватил взглядом позолоченные буквы на корешке обложки: Маргарет Митчелл, «Унесённые ветром». Для своих лет дочка читала уже совсем не детские произведения. Оторвав взгляд от романа, она чуть улыбнулась отцу и ответила:

— Да, папа. Долго сидели над математикой, там была сложная задача, но Изабелла Рафаэльевна помогла мне во всём разобраться. Она ушла буквально перед твоим приходом.

Фаик кивнул, и в душе снова поднялась тихая благодарность к этой строгой, но бесконечно доброй женщине. В памяти невольно всплыл тот тяжёлый год… Сонай исполнилось всего шесть лет, когда в апреле не стало Валиды. Смерть жены оглушила его, раздавила, в один миг состарив на годы. Валида была его воздухом и, уходя, забрала с собой его душу, оставив лишь опустевшую оболочку.

И единственной нитью, удерживавшей Фаика в этой жизни, стала Сонай — маленькая дочка, которую в сентябре нужно было вести в первый класс. На плечах Фаика лежала огромная ответственность: пост директора издательства требовал полного погружения, рабочий день длился с утра до позднего вечера. Оставить маленькую девочку одну он не мог, а растить её без материнской заботы казалось невыносимой задачей.

Тогда-то в их доме и появилась Изабелла Рафаэльевна Фабиани — опытный педагог, женщина редкого благородства. Дочь итальянского инженера бакинских нефтепромыслов и немки, она несла в себе печальную судьбу своего поколения. Её отца расстреляли как «врага народа», а саму Изабеллу с матерью сослали в Казахстан, где их и застала Великая Отечественная война. И лишь после реабилитации они смогли вернуться в Баку.

Тётя Белла, как ласково называла её Сонай, стала для девочки не просто учителем, а надёжной опорой. Она забирала её из школы, помогала с уроками и оставалась рядом до самого прихода Фаика. Он был благодарен ей и за то, что она открыла для его девочки мир искусства. Тётя Белла водила Сонай по музеям и театрам, прививала безупречный вкус и любовь к большим книгам. Благодаря ей девочка зачитывалась мировой и русской классикой.

Вглядываясь в дочку, погружённую в очередное чтение, Фаик с нежной грустью подумал: «Как же ты похожа на маму…»

Все эти годы он искал и находил черты Валиды в каждом движении Сонай. Но именно сегодня, в этой тихой вечерней комнате, память с особенной, почти ощутимой ясностью перенесла его в далёкую молодость — туда, где не было ещё ни этого тиканья часов, ни седины на висках, а был только первый ошеломительный день их встречи…

Глава Четвертая

В том далёком шестьдесят втором году ему как раз исполнилось 29 лет. Окончив факультет журналистики Бакинского государственного университета, он стремительно продвигался по карьерной лестнице и к этому рубежу уже 2 года как возглавлял издательство «Элм8[8]» в должности директора. И это не было случайностью или простым везением. За этим стремительным взлётом стояли искренний талант, глубокий, проникновенный ум и какая-то неистовая, невероятная работоспособность. Он жил своим делом, горел им, и эта энергия притягивала к нему людей. Параллельно с работой он успел окончить и вечернее отделение исторического факультета того же Бакинского государственного университета.

В те годы молодому, подающему большие надежды специалисту государство выделило собственное жильё. Небольшая однокомнатная квартира стала для него не просто крышей над головой, а настоящим семейным гнездом, полным жизни, смеха и юношеских надежд. Вместе с ним в этой маленькой, но уютной квартире жили две сестры — обе студентки, приехавшие из родного Сальяна, каждая за своей мечтой.

[8] «Элм»(азерб.Elm-«Наука»)-азербайджанское издательство научной литературы Академии наук,основанное в Баку в 1925году.

А там, в родных краях, под родительским крылом оставались лишь двое братьев, которые оканчивали школу.

На правах старшего брата Фаик без остатка взял на себя невидимый, но тяжёлый груз отцовской ответственности. Его любовь и забота были настолько абсолютными, что для сестёр он стал не просто старшим братом, а настоящим отцом, подарившим им ощущение надёжного дома вдали от родного края.

Разговоры о том, что Фаику пора жениться, в доме звучали всё чаще. Возраст для холостяка был уже довольно солидным. Сам он с головой ушёл в работу и о женитьбе особенно не задумывался, но у его матери, Соны-ханум, на этот счёт было своё материнское мнение.

— Фаик, хватит жить одной работой, — мягко, но настойчиво говорила она сыну. — Тебе нужна жена. Семья — это опора.

Отец и сёстры полностью поддерживали её.

Для самой Соны-ханум он был не просто старшим сыном — он был её первенцем, её гордостью и особым светом в душе. В нём она словно видела продолжение той нерастраченной любви, которую когда-то хранила к своему ушедшему и канувшему во тьму брату. История словно повторила свой круг: как из всех сестёр Ашраф больше всех тянулся к Соне, так и душа самой Соны — уже взрослой матери — среди шестерых собственных детей сильнее всего тянулась именно к Фаику.

Эта связь закалилась ещё в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Азербайджан был тогда одной из пятнадцати республик Советского Союза. Когда отец Махмуд ушёл на фронт, на совсем ещё юного Фаика легла совсем не детская ответственность. Он стал для матери и помощником, и советчиком, и главным мужским плечом в доме. Мальчик не по годам взрослый и рассудительный, он успевал всё: и за младшими присмотреть, и на базар сбегать, и с мастерами по ремонту поговорить.

Из шестерых детей Фаик занимал в её сердце совершенно особое, неприкосновенное место. Сона-ханум привыкла обо всём советоваться с ним, веря его суждениям беспрекословно. Всякий раз она говорила о нём с особым трепетом:

— Сын, которого я люблю так же сильно, как саму жизнь.

И теперь, когда жизнь наладилась, материнское сердце больше всего на свете хотело увидеть его счастливым.

Вскоре мать нашла и подходящую партию.

— У нашего земляка-сальянца дочка есть. Умница, на врача учится, — делилась Сона-ханум с сыном. — Ты просто пойди, посмотри на неё. Семья почтенная, уважение в обществе огромное.

— Да, ты права, мама, — вторила ей Мина, средняя дочь, тоже будущий врач. — Фаик, правда, глянь на неё.

Он не стал спорить. Возражать матери, да ещё когда её с таким пылом поддерживала сестра, было бесполезно — всё равно не отступят, пока он хотя бы не выполнит обещание. К тому же в глубине души проснулось чисто мужское любопытство: что это за девушка, о которой с таким восхищением отзываются в доме?

Случай представился уже через пару дней. Мина как бы невзначай обмолвилась, в какое время у девушки заканчиваются лекции, и Фаик, подгадав момент, направился к главному корпусу медицинского института.

Погода стояла солнечная. У высоких старинных дверей института шумными стайками высыпали студенты: девушки в строгих платьях, с сумками наперевес; юноши с толстыми пачками тетрадей под мышкой. Все о чём-то оживлённо спорили, смеялись, спешили на трамвайную остановку.

Фаик остановился чуть в стороне, у тенистой аллеи, делая вид, что ждёт кого-то из знакомых, а сам внимательно всматривался в выходящих. Вдруг из широких дверей выбежала

Мина, а следом за ней — две девушки: одна в платье чуть выше колен, а вторая в строгом, сдержанном тёмном костюме, придававшем ей особую элегантность.

Мина на секунду заговорщически оглянулась, нашла взглядом брата и едва заметно кивнула в сторону девушки в костюме. Та шла тихо, слегка опустив длинные ресницы, и внимательно слушала, пока её спутница эмоционально ей что-то обрисовывала.

Валиде на тот момент было 20 лет. Красавицей она не была: смуглая кожа, средний рост, чуть длинноватый нос, густая тёмная коса, перекинутая через плечо… но всё перекрывали глаза. Они словно светились изнутри — казалось, в самой её душе горел мягкий ровный свет, от которого становилось тепло.

В её осанистой кроткости, в том, как она нежно и сдержанно улыбнулась в ответ на шутку подруги, не было ни капли жеманства. В ней чувствовалась та самая редкая, породистая скромность и чистота, о которой говорила мать.

Они уже поравнялись с аллеей, когда девушка на мгновение подняла глаза. Их взгляды встретились всего на одну короткую секунду. Она прошла мимо, даже не заметив его, а он стоял, не в силах двинуться с места, забыв, как дышать, и смотрел ей вслед. Сердце пропустило удар. Он понял, что пропал. В одну секунду рухнули все аргументы, которыми он так долго защищал свою холостяцкую свободу, перестала иметь значение и девятилетняя разница в возрасте. Ушли все сомнения и опасения перед высоким статусом её семьи. В голове осталась лишь ясная, обжигающая мысль: без неё он теперь просто не сможет жить.

Валида родилась в семье, чей авторитет и уважение выходили далеко за пределы родного Сальяна. Имена братьев Абдулрагимовых гремели на весь Азербайджан.

Её отец, Таги Абдулрагимов, долгие годы возглавлял Министерство водного хозяйства и мелиорации. Именно под его руководством в пятидесятые и шестидесятые годы разворачивались грандиозные стройки века, вдохнувшие жизнь в засушливые степи и оживившие огромные массивы родного края. По всей стране возводились стратегически важные объекты: Верхне-Карабахский и Самур-Апшеронский каналы, гидроузлы на Куре и Араксе, давшие воду тысячам гектаров земли.

Не менее масштабной личностью был и её дядя Алевсад Абдулрагимов: в своё время он занимал пост мэра Баку, а позже возглавил Бакметрострой, руководя возведением столичной подземки. По своему влиянию и ответственности эта должность ничуть не уступала министерской.

Выросшая в такой семье Валида окончила одну из лучших центральных школ Баку и получила прекрасное образование. Однако статус родных никогда не был для неё поводом для гордыни — она не кичилась громким именем и не несла себя свысока. В этой семье действовало удивительное, мудрое правило: чем выше поднимались по служебной лестнице её отец и дядя, тем ниже и с большим уважением к людям склонялась её голова. Она шла по жизни с тихой, естественной скромностью, выбрав для себя самый благородный и милосердный путь — путь врача.

Дома Фаика ждали с нетерпением. По случаю наступающих праздников в его небольшой городской квартире собралась вся семья. Из Сальяна приехал и отец Махмуд, возглавлявший Сальянское управление оросительных систем — главный водник района. Едва Фаик переступил порог, как домочадцы обступили его с вопросами. Больше всех суетилась младшая Сима, только в этом году поступившая в медицинский институт. Самая старшая — Фарида — давно уже была замужем, но пропустить такое событие не могла: хотела услышать всё из первых уст.

— Ну что, Фаик? — не отставала от него пришедшая раньше брата домой Мина. — Ну что скажешь? Ну не молчи, рассказывай! — наперебой зашептали сёстры.

Но Фаик даже не сразу нашёл, что им ответить. Он прошёл в комнату, перевёл долгий, глубокий взгляд на мать, и по этому непривычному, вспыхнувшему в его глазах блеску Сонаханум всё поняла ещё до того, как он произнёс хоть слово.

Фаик перевёл дыхание и твёрдо, тихо сказал:

— Мама… Или она, или никто.

— Папа… папочка… Ну папа, уже поздно, одиннадцатый час.

Тихий голос дочки мягко выдернул его из глубины воспоминаний — прошлое мгновенно рассеялось. Он оглядел освещённую торшером комнату, погладил Сонай по голове и поднялся с кресла.

— Пап, уже совсем поздно, — сказала Сонай, закрывая и откладывая в сторону книгу. — Завтра мне в школу, а тебе вставать на работу. Пойдём спать?

— Да-да, доченька… конечно, — Фаик провёл рукой по лицу, будто стряхивая наваждение, и тепло улыбнулся дочери. — Пойдём, милая.

Погасив свет в зале, они разошлись по своим комнатам. Фаик лёг в постель, опустил голову на подушку, но перевозбуждённый мыслями ум никак не хотел засыпать. Кадры прошлого продолжали кружиться перед глазами. Постепенно тишина ночи и тихий шум за окном убаюкали его.

И на границе реальности и сна, когда сознание уже медленно погружалось в небытие, мысли Фаика причудливо переплелись. Светлый образ Валиды растаял, и память — уже помимо его воли, повинуясь какому-то глубокому внутреннему зову, — увлекла его ещё дальше в прошлое.

Глава Пятая

Весть о том, что Медина-ханум и Сона возвращаются с вокзала и видели там Ашрафа, мгновенно облетела весь род. В тот момент, когда они переступили порог, в доме уже собрались все: сбежались родственники, примчались старшие замужние дочери. Даже Гадырбек, слёгший от тяжёлого горя в тот самый день, когда арестовали сына, нашёл в себе силы подняться с постели и, едва держась на ногах, вышел в залу.

Все замерли в тяжёлом ожидании:

— Ну что, Медина? Скажи хоть слово!

— Видела? Как он? — перебивая друг друга, с мольбой в голосе шептали близкие.

Промокшая под проливным дождём, с мокрым платком в сжатых дрожащих руках, Медина молча прошла в центр комнаты, тяжело опустилась на диван и уставилась в одну точку. В её опущенных плечах и остекленевшем взгляде было столько немого отчаяния, что у присутствующих перехватило дыхание.

Поняв, что мать не в силах вымолвить ни слова, заговорила Сона. Пытаясь смягчить удар и подарить семье хоть какую-то надежду, она стала быстро и торопливо рассказывать:

— Видели, видели мы Ашрафа! Он держится крепко, твёрдо стоит на ногах, не сломался! Всё будет хорошо, вот увидите!

Медина-ханум замерла, не поднимая глаз, а в стенах этого дома, казалось, ожили тени прошлых лет…

Окончив с отличием Бакинское реальное училище, Ашраф был воплощением статной, безупречной офицерской культуры. Когда бури семнадцатого года и приход большевиков перевернули привычный мир, семья Садыхбековых, желая сохранить свои истоки и родную землю, приняла новую реальность.

…Азербайджан, ещё вчера бывший восточной жемчужиной в составе Российской империи, пройдя через огонь революционных лет, шагнул в новую эпоху и стал Советским Азербайджаном. Изменились законы и сам уклад жизни, но для Садыхбековых главным оставалось одно — служение своей земле, какими бы ветрами ни веяло над их домом.

В середине двадцатых, когда маховик органов ОГПУ ещё не набрал своей слепой и беспощадной силы, офицерский опыт Ашрафа оказался незаменим. В Сальяне он возглавил уездный отдел милиции: следил за порядком, формировал службу, верил, что служит своему краю и защищает простых людей от хаоса.

А между тем над их домом постепенно гас прошлый свет. У отца Гадырбека отняли родовые земли и имущество, объявили кулаком и оставили лишь маленький флигель для прислуги, куда и переселилась вся семья. Медина-ханум, изнеженная купеческая дочь, выросшая в шелках, привыкшая к аромату восточных благовоний, тихим беседам за чаем и преданной прислуге, теперь своими руками топила печь, вела трудный быт и училась жить без прежнего комфорта.

Старшие дочери, выйдя замуж, разлетелись из родительского гнезда, как птицы перед бурей. Семья лишилась статуса, богатства, прежнего почёта, но в этих строгих стенах неизменно витал главное — дух благородства, который не смогли сломать никакие лишения. Они научились радоваться малому, собираясь вечерами за скромным столом, согретым лишь жаром жалования Ашрафа и молитвами матери.

Но сумерки той эпохи сгущались немо и непреклонно. Бедность семье простили, а вот бекские корни, офицерскую осанку и прямой, не умеющий гнуться взгляд Ашрафа — нет. В сырую дождливую сентябрьскую ночь 1927 года в их дверь постучали тяжело и властно. Чёрная шинель, сухой приказ, короткие мгновения на прощание… Его увели в неизвестность, вырвав из сердца семьи, оставив лишь оглушающую тишину.

Все эти воспоминания скорбной тенью пронеслись в замершей комнате. Родственники обступили Мединy-ханум, пытались согреть её озябшие, дрожащие пальцы, шептали слова утешения, но она оставалась неподвижной, словно застывшее изваяние из мрамора.

И вдруг в её опущенных, погасших от горя глазах вспыхнул странный, почти неземной, священный свет. Медина-ханум медленно распрямила плечи, подняла голову и прерывающимся, но звенящим от внутренней силы голосом произнесла:

— Где… где Сара? Позовите мне Сару!

Из дальнего угла комнаты, затаив дыхание, к матери торопливо шагнула юная, трепетная дочь. Сара была пятой из сестёр. Медина-ханум крепко сжала тонкие, озябшие ладони Сары в своих и тихо, так, что в зале воцарилась мёртвая, молитвенная тишина, произнесла:

— Я дала зарок… Назр дала перед Всевышним: если придёт весть, что мой Ашраф жив, я отдам одну из своих дочерей в жёны бедному человеку. Сара, доченька… Собирайся.

В комнате повисла тяжёлая, гулкая тишина. Казалось, даже дождь за окнами на мгновение перестал стучать по стеклу, уступив место этой оглушающей паузе.

Слова Медины-ханум прорезали воздух священным, но страшным повелением. Все присутствующие — родственники, старшие сёстры, дяди — замерли, не смея перевести дыхание. В восточной традиции назр, данный перед Богом в минуту смертельного отчаяния, не подлежал обсуждению. Это была не просто клятва, это был духовный выкуп за жизнь сына.

Гадырбек, до этого едва державшийся на ногах, сделав шаг вперёд, опёрся о спинку кресла. Его побелевшие губы задрожали, а в глубоких морщинах отразилась вся боль отца, над домом которого вновь заносился жребий судьбы. Он посмотрел на жену — в её глазах не было безумия, там горел твёрдый, фанатичный огонь. Гадырбек открыл было рот, чтобы возразить, чтобы защитить свою юную и кроткую дочь от неизвестности, но горло перехватило. Как он мог встать между материнской молитвой и спасением Ашрафа?

И вдруг зал взорвался. Родственники загалдели одновременно, в один голос, не веря услышанному:

— Медина, что ты такое говоришь?! Побойся Бога!

— Как в бедную семью?! Опомнись! Ашраф сам бы не принял эту жертву! — всплеснула руками её родная сестра, подбегая и пытаясь заглянуть ей в глаза.

— Медина, так нельзя! Не бери такой грех на душу, передумай!

Густая волна возмущения и страха накрыла комнату. Но Медина-ханум даже не вздрогнула. Она медленно подняла влажный, непреклонный взгляд и произнесла тихо, но так весомо, что шум в зале мгновенно затих:

— Не просто в бедную… Своими руками я отведу её в дом Мирсеида. У него четверо сыновей, Сара станет женой одного из них. Я обещала Богу, и Он был ко мне милосерден, — продолжала с жаром она. — Он сохранил моего мальчика — Ашраф живой! Я его видела! Теперь черёд за мной. Если я нарушу слово — я разрушу ту защиту, которую вымолила для него. Я верю, что если исполню зарок — Ашраф будет жить. Где бы он ни был, моё слово будет хранить его.

В комнате воцарилась гробовая тишина. В мусульманской традиции фамилия и имя с почтенной приставкой «мир» означали главное: перед ними были прямые потомки пророка Мухаммада. Семья Мирсеида жила в Сальяне, в небольшом одноэтажном доме, сложенном из самана — глины, замешанной с соломой, — но, тем не менее, пользовались безусловно глубоким духовным уважением. Отдать дочь в этот дом означало не просто обречь её на скромный быт, а вверить судьбу Сары под покров самого святого рода.

Возражения мгновенно угасли, так и не сорвавшись с губ присутствующих.

Сара побледнела так, будто из неё в одну секунду выкачали всю кровь. Её тонкие пальцы в руках матери похолодели. Она перевела растерянный взгляд на отца, затем на младшую Сону, которая, сжав кулаки, сдерживала готовый вырваться крик, и наконец снова посмотрела на мать. В этом взгляде девятнадцатилетней девушки пронеслось всё: и страх перед неизвестностью, и смятение , и бесконечная жертвенная любовь к единственному брату.

Сара опустилась перед матерью на колени, уткнулась лицом в её мокрый от дождя платок и тихо, едва слышно, но без единой капли ропота произнесла:

— Как скажешь, ана… Лишь бы Ашраф был жив…

По комнате пронёсся тяжёлый, сдавленный вздох. Старшие сёстры рыдали, а Гадырбек медленно опустил голову, не в силах скрыть подступивших слёз.

ГЛАВА Шестая

Резкий, оглушительный звон будильника вырвал Фаика из полусна-полузабытия, словно оборвал тонкую нить, связывавшую его с прошлым. Он открыл глаза. Прошедшие события, голоса близких, слезы матери — все еще стояло перед глазами с невероятной, почти осязаемой четкостью. Сона-ханум так часто и с такой болью рассказывала о том дне, пока была жива, что эти воспоминания давно стали частью его самого. Ему казалось, что он не просто знает эту историю, а сам был ее немым свидетелем. Но реальность уже вступала в свои права. На часах был седьмой час. Пора. Пора будить Сонай, помогать ей собираться в школу и самому готовиться к рабочему дню.

Фаик тихо отворил дверь в комнату дочери. За окном тянулось сумеречное ноябрьское утро: сквозь занавески едва пробивался скупой, сырой и прохладный свет. Фаик замер в дверях, с отцовской нежностью смотря на дочь. Сонай уже не была той маленькой девочкой — она постепенно превращалась в тонкую, взрослеющую девушку-подростка. В ее спокойном дыхании и чертах лица он неизменно искал и находил продолжение своей ушедшей любви. Ведь именно эта девочка оставалась его единственным смыслом, надеждой и той самой нитью, что удерживала его в этом мире.

Глядя на нее, он с острой и внезапной тревогой ощутил свой возраст: ему уже 56, а перед ним все еще ребенок, пусть и взрослеющий. В голове стучала лишь одна страстная, молчаливая молитва: успеть. Успеть вырастить, успеть поставить на ноги, увидеть ее взрослой, счастливой, окруженной собственной семьей и детьми, отдать ей весь остаток сил, чтобы спокойным сойти с этого пути.

Сглотнув подступивший к горлу комок, он сделал шаг вперед, подошел к кровати, опустился на край матраса и тихо, но тепло произнес: — Сонай… Вставай, доченька, седьмой час. — Папа, ну еще чуть-чуть… — сонно произнесла Сонай, натягивая одеяло на лицо. Но Фаик с улыбкой слегка погладил ее по волосам. — Давай, родная, школа не ждет. И коль скоро ты решила идти пешком сама, вставать надо пораньше.

На кухне он чиркнул спичкой, поставил чайник на плиту и достал из холодильника масло с икрой. Ложась в неторопливый ритм заботы, нарезал свежий хлеб и положил пару ложек сахара в любимую чашку дочери. Из коридора донеслись тихие, еще сонно-тягучие шаги и всплеск воды в ванной — квартира окончательно просыпалась вместе с ней. Они сидели на кухне в том особенном утреннем молчании, которое бывает только между очень близкими людьми. Завтракая, каждый тихо погружался в свои мысли. Фаик мысленно составлял список дел и встреч: на сегодняшний день у него было запланировано совещание с сотрудниками. А Сонай, чуть покачивая ногой, прокручивала в голове школьные заботы — уроки, контрольную и встречи с подругами.

Затем в прихожей начались привычные сборы. Сонай подхватила свой ранец и уже потянулась к дверной ручке, когда отец остановил ее взглядом: — Сколько у тебя сегодня уроков, доча? — Шесть, папа. Папуль, может, я и назад сама приду, а? Я ведь уже большая… — Идти в школу самой я тебе разрешил, — мягко, но твердо ответил Фаик, с любовью поправляя ей воротник. — Но возвращаться одна ты не будешь.

Школа находилась всего в десяти минутах ходьбы, и утром Сонай вполне могла дойти сама. Но мысль о том, что после уроков она будет возвращаться одна, заходить в блок и отпирать ключом пустую квартиру, отзывалась в нем тревогой. Поэтому они договорились: забирать и приводить ее домой, делать с ней уроки и сидеть до его прихода будет Изабелла Рафаэльевна.

Проводив дочь, Фаик вернулся на кухню. Допивая чай, он на мгновение задумался о предстоящих выходных. «В субботу нужно будет съездить на базар, купить хорошего мяса, прокрутить фарш», — думал про себя Фаик. С недавних пор у них с дочкой прижилась теплая семейная традиция: по субботам и воскресеньям они садились за стол, заворачивали маленькие дюшбара9[9] и пекли домашние кутабы10[10].

Помимо мяса, надо было закупиться и другими продуктами. Все хозяйственные хлопоты Фаик взял на себя. Исключением была лишь уборка: три раза в неделю приходящая женщина мыла полы, стирала и гладила вещи. После смерти любимой жены он не допускал и мысли о новой женитьбе. Сама эта идея казалась ему предательством по отношению к памяти Валиды, а уж тем более — навязывать дочери мачеху он категорически не хотел.

Сестры, однако, не оставляли попыток устроить его личную жизнь, говоря, что ему тяжело оставаться в его возрасте одному и надо жениться. Но он обрывал их на полуслове. Его голос становился суровым, а взгляд — непреклонным: — Если еще хоть раз вы поднимете эту тему, знайте: ноги моей в вашем доме не будет!

Задумавшись, он и не заметил, как пролетело время. Бросив взгляд в окно кухни, он увидел, что служебная машина уже подъехала, а Ахмед, выйдя из нее, ждал его, опершись о переднюю дверцу. Поняв, что пора идти, Фаик собрался и неторопливо спустился вниз.

Машина плавно везла его по оживающим улицам. Время приближалось к девяти утра, и Баку, уже полностью проснувшись, уверенно входил в свой дневной ритм. Место его работы находилось в самом сердце города. Любой, кто хоть раз бывал в Баку, непременно узнает это особенное, дышащее историей место: легендарную Торговую и площадь Фонтанов, где жизнь всегда, в любое время года, бьет ключом. Издательство находилось на третьем этаже здания, которое располагалось недалеко от площади Фонтанов и окнами выходило на небольшую, но очень красивую площадь Хуршудбану Натаван11[11], в центре которой возвышался памятник самой великой азербайджанской поэтессе. За ним строго и величественно стояло знакомое каждому бакинцу здание кинотеатра «Азербайджан».

---

[9] Дюшбара(душпара)-традиционный азербайджанский суп с мелкими пельменями из баранины или говядины.

[10] Кутабы-традиционные азербайджанские пирожки из тонкого теста в форме полумесяца с начинкой из зелени,мяса и тыквы.

[11] Хуршудбану Натаван(1832-1897)-азербайджанская поэтесса,дочь последнего карабахского хана Мехтикули-хана,известная также своей благотворительной и просветительской деятельностью.

Поднявшись по широким каменным ступеням, Фаик перешагнул порог издательства «Язычы». В прохладном холле, пропитанном едва уловимым родным запахом типографской краски, бумаги и крепкого чая, его встретил привычный утренний гул. Со всех сторон доносилось приветливое: «Здравствуйте, Фаик муаллим!», «Доброе утро!». Он кивал в ответ, здоровался за руку с коллегами, обмениваясь теплыми улыбками, и не спеша поднимался по старинной лестнице на третий этаж.

Пройдя в кабинет, он прикрыл тяжелую дубовую дверь. Помещение встретило его привычным уютом: дубовый рабочий стол, аккуратные стопки рукописей, книжные шкафы до самого потолка и мягкий свет, падающий из высокого окна. Он вышел на балкон своего кабинета и на секунду замер, глядя на площадь и глубоко вдыхая утреннюю свежесть, после чего вернулся обратно, сел в свое кресло, предварительно повесив на его спинку пиджак, и с привычным вдохновением приготовился к насыщенному дню.

Шесть лет назад, когда Фаик только возглавил издательство, оно перебивалось случайными заказами и числилось среди ничем не примечательных предприятий. Но Фаик жесткой рукой перестроил всю работу и вдохнул в него новую жизнь. Благодаря его таланту, железной дисциплине и неиссякаемому трудолюбию скромное дело преобразилось: жизнь здесь закипела, тиражи выросли в разы, и сегодня издательство уверенно входило в тройку сильнейших в стране.

Рабочий день директора крупного издательства всегда напоминал сложный, до мелочей отлаженный механизм. Фаику удавалось удерживать в голове десятки задач одновременно: он вчитывался в рукописи, подписывал документы, одобрял пуск новых тиражей в печать и решал бесконечные административные вопросы.

На двенадцать часов у него было назначено важное совещание с коллегами и редакторской группой. На повестке дня стоял долгожданный проект — обсуждение сигнального экземпляра-первой пробной книги из типографии- романа Стендаля «Красное и черное». К полудню в кабинете собрались ведущие специалисты. Обсуждение вышло страстным: спорили о качестве переплета, шрифтах, качестве печати и иллюстрациях. Фаик лично перелистывал пахнущие свежей краской страницы сигнального экземпляра, выслушивая доводы коллег и внося свои коррективы.

В самый разгар этого жаркого спора дверь кабинета тихо отворилась. На пороге стояла его секретарь: — Фаик Махмудович, простите, что прерываю, — произнесла она. — На первой линии Расим муаллим. Он очень просит вас снять трубку, говорит, это крайне важно.

Фаик на секунду отвлекся от разложенных на столе макетов, кивнул и ответил: — Хорошо, Гюнай, соединяй.

Он снял трубку городской линии: — Фаик, здравствуй, дорогой! Как ты? Как дела? Как Сонайка? — из динамика раздался бодрый голос Расима. — Спасибо, Расим, все хорошо, — ответил Фаик, немного удивляясь веселому тону собеседника. — Ты сам как? Как семья? — Все отлично! Но я звоню не просто так… У меня для тебя потрясающие вести. Я сумел выполнить твою просьбу, достал для тебя допуск в архив КГБ!

На другом конце провода наступила тишина. Фаик буквально потерял дар речи, сжав трубку так, что побелели пальцы. Сердце заколотилось где-то у самого горла.

— Фаик, ты слышишь меня? — продолжал Расим, не скрывая гордости. — Завтра в час дня ты должен быть там. Тебя пропустят. Ты наконец-то сможешь поднять архивное дело своего дяди и все прочитать самому! — Расим… Ты серьезно? — Он все еще не мог поверить в услышанное. — Ты правда смог это сделать? — Да, дорогой мой, абсолютно серьезно! Так что завтра к 13:00 будь готов, приходи — тебя встретят и все оформят. — Спасибо… Спасибо тебе большое, Расим, — медленно, все еще не до конца веря в происходящее, произнес Фаик и опустил трубку на рычаг.

Но пальцы еще долго не разжимались. В кабинете стояла тишина, а он замер, глядя перед собой. Завтра. Завтра в час дня. Неужели завтра он исполнит то, что обещала его совесть, то, о чем долгие годы молила мать, пока была жива? Он помнил, как она смотрела на него — совсем еще юного мальчишку, потом на взрослого, окрепшего мужчину, пробившего себе дорогу в жизнь: «Фаик, ты должен узнать! Ты стал большим человеком, у тебя есть имя, есть связи… Узнай, что стало с Ашрафом. Сделай это для меня…»

Она просила об этом не как о формальности, а как о единственном долге перед памятью брата. Каждое ее слово было пропитано той же тоской, с какой они с матерью провожали тот поезд. Промозглый, залитый дождем ноябрьский день в Сальянах, перрон, серый туман и Ашраф, которого увозили навсегда.

Завтра он поднимет архивное дело, притронется к желтым страницам и узнает все: куда, зачем и за что… Бабушка ушла, так и не узнав. Мать прожила с этой открытой раной. И вот теперь занавес этой страшной неизвестности должен подняться. Завтра в 13:00 он поднимет папку, где запечатана судьба Ашрафа, и ответит своей матери — даже если отвечать придется уже тишине.

— Фаик Махмудович! — голос замредактора прорезал оцепенение, словно через толщу воды. — Фаик Махмудович, с вами все в порядке?

Фаик вздрогнул и медленно отнял ладони от лица. В кабинете стояла настороженная тишина. Сотрудники, сидевшие за длинным столом совещаний с открытыми бланками и гранками, взволнованно переглядывались. Кто-то уже полувстал со стула, не понимая, почему их директор вдруг замолчал на полуслове после короткого телефонного звонка и застыл, не отводя взгляда от аппарата.

— Вам воды принести? — заботливо спросила одна из сотрудниц.

Фаик кашлянул, пытаясь справиться с подступившим к горлу комом, и провел рукой по лбу. Взгляд его снова стал твердым, хотя пальцы все еще слегка подрагивали. — Нет-нет, все хорошо, — он слегка улыбнулся, возвращая себе привычную собранность директора. — Просто важный рабочий звонок. На чем мы остановились?

Оставшийся час прошел как в тумане. Фаик делал пометки на полях, слушал отчеты, кивал и давал указания. Но одна половина его разума оставалась там, в завтрашнем дне.

Когда подчиненные наконец разошлись, Фаик накинул пиджак и вышел из здания издательства. На полноценный обед дома времени не оставалось, поэтому он направился в знакомый ресторанчик «Сюмбюль», находившийся прямо по соседству. Сюда он заходил часто. Здесь, в уютной полутьме за привычным столиком, всегда можно было перевести дух. Официант без лишних слов принес привычный заказ, но Фаик едва прикоснулся к еде. В его голове снова и снова прокручивался разговор.

Расим… Невероятно. Фаик задумчиво помешивал ложкой чай, глядя на пар, поднимающийся над стаканом армуду12[12]. Расим сделал невозможное. Добиться того, что прежде казалось неосуществимым, он решил одним уверенным шагом.

Фаик мысленно вернулся к тому дню, когда они только познакомились, и в очередной раз удивился, как странно и не случайно переплетаются людские судьбы…

Тогда, почти год назад, в составе большой делегации азербайджанской интеллигенции — известных писателей, поэтов, народных художников и актеров — Фаик находился в масштабной поездке по Соединенным Штатам. Это были невероятные, насыщенные недели, призванные познакомить американскую общественность с культурой Азербайджана. Маршрут охватил едва ли не полстраны. Делегацию приняли в Вашингтоне, где для азербайджанских гостей устроили экскурсию в знаменитую Библиотеку Конгресса США. А в штате Иллинойс их ждал особенный, почти сказочный прием — почетный завтрак прямо в историческом поезде Авра-

[12] Армуду-традиционный азербайджанский грушевидный стакан для чая,сохраняющий его горячим.

ама Линкольна. В Неваде они поднялись на воздушном шаре, чтобы с высоты птичьего полета оглядеть суровые горные просторы, в искрящемся огнями Лас-Вегасе ощутили ритм развлечений и посетили одну из крупнейших местных типографий. Прогулявшись по гигантским печатным цехам, они провели встречу с американскими коллегами, на которой Фаик как издатель вдохновенно делился опытом азербайджанской школы книгопечатания, рассказывая, как рождаются книги у них на родине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.